

Глеб Иванович Успенский

Овца без стада

Глеб Успенский
Овца без стада

«Public Domain»

1877

Успенский Г. И.

Овца без стада / Г. И. Успенский — «Public Domain», 1877

«...Наскучив петербургскими дачами, я задумал провести прошлое лето где-нибудь в глуши, в тиши настоящей деревни, и был необыкновенно рад, когда, ежедневно просматривая газетные объявления об отдающихся на лето дачах, попал, наконец, на объявление о такой именно даче, какая и была мне нужна... Триста верст от Петербурга и двадцать верст от станции по проселку – это, уж наверно, настоящая деревня... В половине апреля, когда в полях лежал еще снег, я отправился нанимать эту усадьбу. В самом деле, место было чисто деревенское, и я тотчас же согласился на условия, предложенные мне хозяйкой дома, а в половине мая и совсем переехал сюда на жительство. Но, странное дело (хотя совершенно понятное), долгое житье в городах сделало то, что, при всем желании отдохнуть и провести лето «не так, как на даче», дела пошли, помимо моей воли, как нарочно, совершенно по-дачному, то есть: прогулки, петербургские знакомые, газеты – и ничего, ничего-таки деревенского. Дачный образ жизни, среди деревенской обстановки – куда нескладная и некрасивая вещь! ...»

© Успенский Г. И., 1877

© Public Domain, 1877

Содержание

1	5
2	6
3	8
4	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Глеб Иванович Успенский

Овца без стада

1

- Не окрестите ли, барин, мальчишку у меня?
- С удовольствием... Когда будут крестить?
- Завтра поутру... Так норовим – между утреней и обедней, часу в седьмом... Коли что, ежели будет ваше согласие, так мы с подводкой к седьмому-то часу подъедем?
- Я и так дойду, тут всего до церкви верста... Погода отличная.
- Это точно... Ну, благодарим вас покорно!..

Такой разговор происходил однажды вечером, летом между мною и крестьянином деревни Язевой, Марком Ивановым. Деревня Язевое лежит в трехстах верстах от Петербурга, как раз на половине дороги из Петербурга в Москву, и в двадцати верстах от одной из железнодорожных станций. Наскучив петербургскими дачами, я задумал провести прошлое лето где-нибудь в глуши, в тиши настоящей деревни, и был необыкновенно рад, когда, ежедневно просматривая газетные объявления об отдающихся на лето дачах, напал, наконец, на объявление о такой именно даче, какая и была мне нужна... Триста верст от Петербурга и двадцать верст от станции по проселку – это, уж наверно, настоящая деревня... В половине апреля, когда в полях лежал еще снег, я отправился нанимать эту усадьбу. В самом деле, место было чисто деревенское, и я тотчас же согласился на условия, предложенные мне хозяйкой дома, а в половине мая и совсем переехал сюда на жительство.

Но, странное дело (хотя совершенно понятное), долгое житье в городах сделало то, что, при всем желании отдохнуть и провести лето «не так, как на даче», дела пошли, помимо моей воли, как нарочно, совершенно по-дачному, то есть: прогулки, петербургские знакомые, газеты – и ничего, ничего-таки деревенского. Дачный образ жизни, среди деревенской обстановки – куда нескладная и некрасивая вещь! Знакомиться с крестьянским населением я не мог, так как у меня не было к этому предлога, а жить, не имея связи с окружающим, – и скучно и трудно. Вот почему я нескazanно был рад, когда Марк Иванов, крестьянин, у которого я несколько раз покупал рыбу и раков, пригласил меня крестить. Благодаря этому приглашению, у меня являлся законный предлог войти в крестьянский дом, иметь в деревне знакомых и хоть мало-мальски войти в круг чуждых мне интересов деревенской жизни.

И действительно, с этого дня я стал чувствовать себя менее одиноким, менее отчужденным от людей, которых каждый божий день видел перед моими глазами. Понемногу стали завязываться знакомства, понемногу стала раскрываться тайна существования этих бедных лачужек, этих молчаливых улиц и переулков, этой непонятной будничной, трудовой жизни. А главное, благодаря приглашению Марка Иванова, мне удалось встретить весьма любопытный тип человека, попробовавшего на деле проделать ту вещь, которая на газетном языке называется «слиянием», и притом прочно убедиться в том, что в русской живой действительности существуют такие положения, которые роковым образом могут привести так называемого интеллигентного человека в деревню, к крестьянскому плетню, к намерению выйти из своей интеллигентной шкуры и стремиться войти в среду совсем уж не интеллигентную, прямо – «чужую».

Буду, однако, продолжать начатый рассказ.

2

На другой день утром, ровно в шесть часов, я отправился в церковь. Всю ночь лил дождь, дорога размокла, и короткий путь в полторы версты я месил по грязи никак не менее часу. Дорога шла в гору, была скользка и изрыта глубокими рытвинами; дождь не переставал сеять беспрерывно; крупные дождевые капли от малейшего дуновения ветра ливнем крупных капель слетали с деревьев, под которыми я намеревался пробраться, и снова выгоняли на грязную и скользкую дорогу. Кое-как я добрался, наконец, до церкви, одиноко стоящей среди кладбища, но не решился войти в храм, а остался ждать окончания утрени на крыльце, очищая лучинкой целые пуды грязи, облепившие мои калоши. Серые деревенские люди один по одному, с большими промежутками, подходили к церкви. Какое-то сонное, удивительно вялое, удивительно нескладное пение дьячков доносилось изнутри храма. Точно они не пели, а бредили во сне, еле вращая языком и вовсе не соблюдая никакой гармонии. В разные стороны тянули разношерстные – не голоса, а какие-то необыкновенные тоны, звуки, и что-то дремотное овладевало слушателями. Многие сидели в притворе на полу, вдоль стен, и не то дремали, не то совсем спали – трудно было разобрать; только сидели эти люди неподвижно, точно заколдованные сонным бредом дьячков.

Утрения, наконец, отошла, и как раз к концу ее впопыхах прибыл Марк Иванов, моя будущая кума с ребенком на руках и старуха-бабка. Покуда Марк Иванов суетился с купелью, таская из речки воду (это все – дело родителя), ко мне подошла бабка и, низко кланяясь, прошептала:

– Вы кумовья-то будете ай нет?

– Я...

– Уж не забудь старуху-то!.. бабушку!.. Я принимала у ей...

Тут я вспомнил, что мне надлежит подробно ознакомиться с количеством необходимых расходов. Крест я купил и знал, что я обязан заплатить священнику; но, благодаря бабке, оказывалось, что существуют еще какие-то расходы, которых я не знал. Успокоив старуху, я обратился к самому Марку Иванову с вопросом: кому и что я должен давать?

– Да вот куме, что вашей милости будет... И бабушке... немножечко.

– Я бабушке дам рубль...

– И отлично, хорошо, предовольно!.. Ну и куме уж!.. Полотенчико она вам...

– Куме ты, барин, купи платье, – сказала, смело выступив из толпы, какая-то посторонняя женщина. – Кума твоя – девушка, ей надо это... Выбирай ситчик повеселей какой, цветочками!

– Хорошо.

– Окрестишь, – прибавила она: – и зайди в лавку, купи... Не бог весть что! у вас, у господ, побольше нашего.

– Куплю, куплю.

– Вот и хорошо. А больше ничего и не надо. Куме да бабушке... А прочих не балуй. Так-то!

После этого женщина, на руках у которой был ребенок, укачивая его, отошла в сторону, а на место ее стал мужик, старый старик, и, шамкая, проговорил:

– Ежели твоя милость будет, так уж и нас со старухой не оставь... Мы родители будем Марку-то.

У него тряслась голова и хрипело в горле.

– Что пожалеешь, батюшко... Стары уж мы... Сиротство...

– Надо старичкам-то... – проговорил еще какой-то голос. – Одинокие старики... что-нибудь дай... Ты руб-то разбей... Куда ей, бабке, руб-то?..

– Что пожалеешь... Все на новорожденного-то... старикам! – хрипел старик...

– Ей, бабке-то, за глаза ежели сорок копеек, вполне будет... а по тридцати копеек старикам... Бога помолят.

– Хорошо, – сказал я, – ладно!

– А уж хозяйке, – над самым ухом, как комар прогудел, жарко дохнув, произнес Марк Иванов, – что будет вашей милости... И так благодарим покорно... Что вашей милости будет... Хоть двадцать копеек...

Всем нужно, оказывается, хоть сколько-нибудь: у всех, сиротство, все норовят воспользоваться случаем, чтобы «как-нибудь», «что-нибудь»... Тяжело мне было на душе, когда, окруженный толпой этого «сиротства», я ходил вокруг купели с новым сиротой на руках. Всем нужно, а тут еще является новый конкурент и требует еще и на свою долю. Откуда возьмет он?

Конкурент, наконец, был введен в лоно православной церкви под именем Гавриила и отправился домой на руках кумы. Повидавшись с священником и дьячком, и мы с Марком тронулись в деревню. По пути из сторожки вышел старый-престарый, кривой на один глаз сторож и низко поклонился.

– Уж за ведерочко что-нибудь! – объяснил мне Марк.

Оказалось, что Марк брал у сторожа ведро, для того чтоб принести воды в купель.

Старик низко поклонился, получив скудную лепту, и поплелся в сторожку.

В лавке мы купили два платья, причем лавочник вывел нас из затруднения разрешить вопрос о вкусах женщин, для которых они покупались.

– Кто кума? – спросил он у Марка.

– Дарья...

– Это – жена сестра, что ли?

– Она.

– Девица?

– Девица.

– Гм... – промычал лавочник и, обратившись лицом к полкам с ситцем и искрестив их пальцем снизу вверх и сверху вниз, выхватил, наконец, одну штуку и, с решительным возгласом: – Вот твоей Дарье! – хлопнул ее о прилавок, спросив: – Сколько прикажете?..

«Вот твоей Дарье» было сказано так веско, что не представлялось никакой возможности предполагать, чтобы Дарье это не понравилось. Ввиду этого, почти не рассматривая материи, мы прямо отвечали на вопрос «сколько потребуется».

– Давай на полное платье! – сказал Марк.

Аршин зашумел в каленом ситце.

Точно так же была выбрана и материя на платье и жене Марка. Лавочник выхватил кусок и категорически объявил, что этот рисунок будет в самый раз для Марьи. Когда мы принесли покупки к Марку в дом, действительно и кума и жена Марка (сидевшая за занавеской) остались очень довольны подарками.

– Лучше не надо! – говорили они.

Несомненно, что лавочник отлично изучил вкусы каждой Дарьи и каждой Марьи.

3

В доме Марка Иванова сошлось избранное общество. Тут присутствовал сельский староста, самый богатый и умный, то есть практический, мужик во всей деревне, приглашенный как лицо, которому под стать сидеть за одним столом с барином. Кроме старосты, присутствовало два-три из самых «порядочных», то есть крестьян, ведущих свои дела более или менее в порядке; присутствовал сам Марк, бабка и кума. Старый старик-родитель, получив малую лепту, скромно уселся у двери, заявив, что он не будет беспокоить; а старуха с тою же лептой тотчас ушла домой. Марк хотя и удерживал ее и просил старика идти к столу, но, как мне показалось, удерживал не особенно усердно и ни единым словом не протестовал, когда старик начал было отнекиваться...

– Ну как хошь, – сказал Марк, не дослушав его речи.

– Мое дело – старое! – как бы оправдывая равнодушие сына, произнес сам старик, и даже мне, человеку, только что вступившему в крестьянский дом, показалось, что, в самом деле, ему нет тут места. Своей больной старческой фигурой он не подходил к веселью; и сам он знал и все другие видели, что жизнь он уж прожил и осталось ему одно – умереть. Куда ему пировать? «Дело его старое»... Не нужен он становится, как не нужно старое дерево.

Усевшись за стол, на котором кипел самовар, мы выпили по рюмке водки, закусили ее щукой, жареной в яйцах – кушаньем вполне безвкусным, и приготовлялись выпить по другой, как с улицы кто-то звонко застучал в стекло. Я успел разглядеть, что палка, которою стучало неизвестное мне лицо, была не деревянная; на конце ее была, в виде набалдашника, посажена какая-то алюминиевая морда. Самого стучавшего мне не было видно, потому что крестьянские дома в описываемой местности все без исключения двухэтажные: внизу помещаются подвалы и чуланы, а над чуланом – жилая горница.

Марк тотчас поднялся на стук и, заглянув в окно, произнес:

– Балашовский барин... – и ушел на улицу.

– Кто такой? – спросил я.

– Тут в Балашове, тоже вот на лето флигель снял у священника... В пяти верстах отсюда деревня Балашове...

– Барин тоже... – сказал староста: – только что сумнительность есть в нем...

– Какая же? в чем?

– Да так, то есть без твердости безо всякой, – объяснил староста. – Господин не господин... а бог е знает... он и добер и всё... а чтобы настоящего...

4

Староста еще не закончил речи, когда в отворенной двери показался Марк, пропуская впереди себя балашовского барина.

Это был, как я потом разглядел, человек лет сорока, казавшийся гораздо старше своих лет. Какая-то изношенность и вместе с тем непрерывная нервная раздражительность составляли довольно резко бросавшиеся в глаза черты его физиономии. В небольшой черноватой бородке и в длинных, за уши зачесанных, волосах пробивалась сильная седина. Одет он был весьма прилично, хоть и небрежно; чистая рубашка была не застегнута у ворота, и галстука на нем не было, а шляпа была измята самым беспощадным образом...

– Радостию бы рад, – говорил Марк: – да невозможно!

– Ведь дождь прошел... Сегодня праздник... – говорил ему барин.

– Гости-с! Крестины!.. Милости прошу...

– А! – оглядывая гостей, весело проговорил барин, – всё старые знакомые... Мое почтение! – раскланялся он со мной.

– Всё старые! – поднявшись, проговорили гости. – Здравствуй, Ликсан Ликсаныч.

– Здравствуйте, здравствуйте, друзья любезные, – влезая на уступленное старостой место, говорил барин. – Здравствуйте... как поживаете? Нет ли чего хорошенького?

Говорил он это, очевидно, иронически. Крестьяне, также улыбаясь, отвечали ему:

– Слава богу... помаленьку!

– Ну и славу богу! Простили Ивана-то?

Барин, сказав это, поставил локти на стол и опустил усы на сжатые кулаком пальцы рук. Ответа он ждал, как-то искоса поглядывая на крестьян. Я не знал, почему это делается, но видел, что сидевшие за столом крестьяне медлили ответом.

Барин тоже молчал, постукивая кулаком по своим усам.

– А? – вопросительно промычал он еще раз.

– Он, Ликсан Ликсаныч, сам пошел на мировую...

– За много ли?

– На полштофе помирились.

– Отлично! А голова-то зажила?

– Кой подживает, кой не...

– «Кой не»... – повторил барин и, обратись к Марку, произнес: – ты что ж не угощаешь водкой-то?..

Марк со всех ног бросился наливать водку и подал барину через край налитую рюмку. Барин поморщился и залпом опрокинул ее в рот. Но горловая судорога не пускала глотать, и барин долго сидел с сжатыми губами, роясь вилкой в чашке с яичницей и щукой. Кой-как глоток проскользнул, и словно всем полегчало.

– «Кой подживает, кой не!»... – повторил барин, утирая усы концами скатерти.

– Да вот это еще место, – указывая на собственный висок, объяснял один из крестьян: – это еще не совсем... Дюже глыбко просадила он...

– Глыбко?.. – переспросил барин.

Такая манера разговаривать крайне стесняла всех присутствующих: барин точно допрашивал, и видно было, что ответы, которые давали ему его подсудимые, очень мало удовлетворяли следователя. Но барин как будто не замечал этого. Лично мне было просто неловко присутствовать при непонятном мне разговоре; но крестьяне, к которым обращался барин, казалось, хорошо понимали, в чем дело, и чувствовали себя едва ли не хуже, чем я себя чувствовал.

– Ну, а Евсею вы сколько ударов-то дали? – придвигая к себе стакан чаю и как будто с полною беспечностью приготавливаясь распить его, продолжал барин тем же строгим тоном.

– Это, Ликсан Ликсаныч, не мы удары-то обозначаем: на это есть суд.

– А не вы «суд»-то?

– Никак нет!.. На то есть судьи... – отвечали крестьяне разом.

– А судей кто выбирает?..

– Ну уж судей, знамо – мы...

– А!.. – с каким-то злорадством прорычал барин и, в сильном волнении, так опрокинул стакан на блюдечко, что чай разлился по скатерти... Барин между тем продолжал в том же тоне:

– Так не вы дерете-то, стало быть? Чужие? Приказывают? Стоит тебе приказать отца родного высесть – ты и выдерешь, и не виноват будешь?..

– Хе-хе-хе! – вдруг засмеялся староста (молодой непьющий, но сухой и жестко-практический малый), – всё вы, Ликсан Ликсаныч, на нас сердчаете. Все у нас вам не по вкусу, все худо... Что ж с нас, мужиков-дураков, взять?..

– Известно уж – дураки... – почесывая затылок, произнес один из «порядочных» крестьян. Произнес он это таким тоном унижения, который паче всякой гордости.

– Об этом я не спорю, да – дураки! – сказал барин, не сморгнув.

– Иде ж нам взять ума-то?..

– Да и мало того что дураки, вы... – вдруг вспыхнув непритворным негодованием, проговорил барин: – вы, кроме того, еще и...

Жесткое слово, которое, по всей вероятности, вертелось у него на языке, однако не сказалось. Не кончив фразы, он быстро повернулся ко мне и спросил торопливо и раздраженно:

– Вы тоже в деревню заехали?

– Да, на лето...

– Только на лето? Уж не «сливаться» ли с этими вот?

– Как «сливаться»? Я просто на дачу...

– И не «сливайтесь»! То есть, я вам скажу!..

Он ухватился обеими руками за голову. Я ждал, судя по этому жесту, что он разразится каким-нибудь трескучим потоком обвинительных фраз; но, вместо того, барин мгновенно утих и почти шопотом сказал мне:

– Мы хороши – уж нечего сказать, достойные плоды цивилизации, ну да и они тоже...

Он поцеловал кончики пальцев и потом развел руками.

– Малина! – сказал староста...

– То есть – чудо что такое! Лучше всякой малины... ахти – малина... А ежели мы да они сольемся, да в том самом виде, как сию минуту...

– Свинья не тронет! – досказал староста и захохотал.

– Правда, брат, правда!.. Именно не тронет!.. И свинья понюхает этот лимонад – и прочь!.. Налей-ко мне, Марк!..

Барин поставил рюмку.

– Уж наливай, Марк Иванов, – сказал староста, – всем! что уж...

Марк налил все рюмки, но пить не было никакой возможности, в комнате стояла нестерпимая духота от самовара, от солнца, вдруг начавшего жечь июльским полуденным огнем, и от раскаленной печки... Выпили только один из крестьян, сам Марк да балашовский барин.

– Нет, ребята!.. – заговорил каким-то обиженным тоном балашовский барин, кое-как преодолев эту вторую рюмку: – Вот что я вам скажу – обидели вы меня!..

– Чем же, Ликсан Ликсаныч? Кажется, всей душой... Из чего нам тебя обижать?.. Мы тобой довольны... – послышались голоса, правда не совсем искренние, так как на заявление барина об обиде почти все присутствующие смотрели, очевидно, как на причуду барина, да еще «сумнительного», да еще, как видно, выпившего.

– Обидели, братцы, обидели! Ехал я к вам: думаю, буду жить с вами, помогать – денег мне от вас не нужно, – хлопотать за вас, за вашу крестьянскую семью. Я думал, что деревня – это простая семья, в которой только и можно жить...

Мужики вздыхали, а староста только мотнул головой, как бы говоря: «Невесть что городит». А барин между тем вновь сам налил себе полрюмки, быстро проглотил и продолжал:

– ...А у них тут не только никакой семьи не оказывается – какое!.. Лезут друг от друга в разные стороны... Представьте себе, что тут творится, – исключительно обращаясь ко мне, говорил барин. – Вот я сейчас спрашивал их про Евсея, которого они высекли за упорство, *«за то, что занимается упорством и леностью»* (так у них пишется в протоколах волостных судов). Этот Евсей – завзятый охотник, предан он своему делу страстно. Семьи, кроме жены, у него нет никакой; хозяйничать надо, стало быть, с работником. Но у Евсея, помимо того, что сердце вообще не лежит к хозяйству, вследствие его специальности, у него, вследствие той же специальности, и средства-то случайные: хорошо, вспомнит про него какой-нибудь барин, которому он мог услужить на охоте, поможет, Евсей и справится, а нет – сидит так... Я этого Евсея знаю; это – истый художник, страстный любитель своего дела и потому добрейший парень. В охотничьем мире он известен очень многим петербургским тузам и благодаря этому сослужил своим сельчанам большую службу. У крестьян этой деревни, вот у этих самых (он указал на сидевших за столом крестьян), больше десяти лет шел спор с помещиком за надел. Они на это дело, как рассказывают, истратили больше тысячи рублей серебром, но толку никакого не добились. Тогда Евсей, несмотря на то, что лично ему земля эта была не нужна, – я говорил, что он был плохой хозяин, – задумал помочь своим товарищам, помочь просто так, по доброте. Он отправился в Петербург, разыскал одного из господ, которого знал как охотника и который, как оказалось, был лицом влиятельным, рассказал ему все дело и, без одной копейки расходов, благодаря своему личному уменью затронуть человеческую струну, выиграл процесс не больше как в полтора месяца со всеми проволочками. Теперь, благодаря этому Евсею, у этих вот джентльменов (опять он указал на крестьян) двадцать десятин мелкоколосья с отличными сенами и отличные луга. И что ж? Этого человека, который на вечные времена сделал им доброе дело, эти же самые джентльмены выдрали розгами за невзнос податей.

– Постой! – остановил барина один из крестьян, видимо взволнованный рассказом. – Погоди, Ликсан Ликсаныч. Слышал ты звон, да не знаешь, где он.

– Ну где ж? – обратился к нему барин.

– А вот где... Которую землю Евсей отбил, той земли владетель – стало быть, наш бывший барин – и посейчас в присутствии служит, в крестьянском...

– Член... – прибавил другой крестьянин.

– В членах. Когда от него это угодье отошло, он и подвел, чрез старшин и через судей, против Евсея... Судьи-то, братец ты мой, из всей волости выборные... Кабы из нашей из одной деревни они выбирались, небось бы...

– Ну ладно, ладно... – перебил его барин, торопясь досказать свою речь, – стало быть, это не здешние судьи, а люди, которые не знали Евсея, приговорили его к сечению, потому что им это было внушено и, пожалуй, приказано.

– Вестимо так!

– А вы высекли вашего благодетеля только потому, что было приказано. Так? Ведь *вы* секли-то? Ведь у этого волостного правления?.. Так ай нет?

Крестьяне молчали. Только тот, который возражал, как-то нетерпеливо схватился за свою грудь, что-то, по-видимому, желал возразить, но только мотнул головой и махнул рукой...

– Как вам нравится этакая непосредственность? – обратился он ко мне.

– Да нешто, кабы ежли... – совершенно огорченным тоном заговорил было опять мужик, но барин не дал ему окончить и перебил вопросом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.